

Раздел V
ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

АРИСТОТЕЛЬ
ПРОТРЕПТИК

Перевод И. Н. Мочаловой¹

1. (Stobaeus, Anthologium IV xxxii 21 = Fr. 50 Rose, B 1 D.):

В «Протрептике» Аристотеля, который был написан для Темисона, царя Кипра, говорится, что никто не обладает большими благами, чем посвятивший себя философии, ибо имея наибольшее богатство, он может тратить деньги на приобретение как внешних благ, так и доброго имени.

2. (Oxyrrhynchus Papyrus 666; cf. Stobaeus, Anthologium III iii 25 = Fr. 57 Rose, B 2–5 D.):

[B2]². . . припятствует им делать то, что они считают их долгом. Видя несчастье этих людей, нам следует избегать этого и верить, что счастье состоит не в приобретении многого имущества, а в способе расположения души. Ведь никто не скажет, что хорошо то тело, которое украшено роскошной одеждой, а не то, которое здорово и хорошо дисциплинировано, даже если оно не имеет ни одной из вещей только что упомянутых. Таким же образом, если душа образована, то такая душа и такой человек должны быть названы счастливыми, а не человек великолепно украшенный внешними благами, а сам по себе ничего не стоящий. Также и с лошадью, имеющей золотую уздечку и дорогую сбрую, но плохую природу: о ней мы думаем, что она ничего не стоит, и скорее хвалим ту, которая хорошо дисциплинирована.

[B3] Кроме того, когда ничего не стоящие люди получают богатые владения, они полагают значение их даже большим, чем блага

¹Перевод выполнен по изданию: *Düring I. Aristotle's Protrepticus: an attempt at reconstruction.* Goteborg, 1961. Использовано также издание: *Rose V. Aristotle: Fragmenta.* Teubner ed., Leipzig, 1886. Учен английский перевод сочинения: *The complete works of Aristotle. The revised Oxford translation / Ed by J. Barnes. Vol. 2.* Princeton University Press, 1984 (2-nd ed., 1985).

²Обозначение фрагментов дается по изданию И. Дюринга.

© И. Н. Мочалова, перевод, 2002

души; и это — самое низкое из всех состояний. Так как человек был бы помешан, если бы был подчинен своим слугам; также должны считаться несчастными и те, для которых приобретение имущества более важно, чем их собственная природа.

[B4] Это действительно так. Пресыщенность, как говорит пословица, рождает высокомерие; отсутствие образования, соединенное с властью, рождает безрассудство. Для тех, кто испорчен в душе, ни богатство, ни сила, ни красота не являются благами. Для тех из них, кто более щедро одарен этими свойствами, но владеет ими, не имея мудрости, обладание ими наиболее тягостно и причиняет наибольший вред. Слова «нет ножа для ребенка» означают «не давать плохому человеку власть».

[B5] Все люди согласились бы, что мудрость приходит от учения и от поиска вещей, которые философия дает возможность искать, тогда, несомненно, нам следует заниматься философией без колебания и . . .

3. (Alexander Aphrod., Commentarius in Topica 149.11–12 = Fr. 51 Rose, В 6 D.):

. . . слово «философствовать» означает как «исследование, следует ли нам философствовать или нет», так и «посвящение себя философскому созерцанию (τὴν φιλοσοφῶν θεωρεῖαν)».

4. (Iamblichus, Protrepticus 37.13–22 Pistelli = Fr. 51 Rose, В 9 D.):

Кроме того, есть различные роды знаний: некоторые роды знания производят полезные вещи в жизни; другие используют этот первый род; некоторые — служебные; другие — дающие предписания; на этих последних, как более авторитетных, основывается истинная польза. Итак, если только этот род знания, который влечет правильные суждения, который пользуется разумом и рассматривает пользу как целое, который называется философией, может использовать все другие роды знания и предписывать им согласиться с принципами природы, то нам следует стараться любым возможным способом становиться философами, так как философия — единственная содержит правильные суждения и верную мудрость, командующую тем, что должно быть сделано, а что нет.

5. (Iamblichus, Protrepticus 49.3–51.6 Pistelli = Fr. 51 Rose, В 11–16 D.):

[B11] Из вещей, которые возникают, некоторые возникают из некоторого рода мысли или искусства, например дом или корабль (так как причина обоих есть некоторое искусство или процесс мысли), тогда как другие возникают не через искусство, а по природе; природа есть причина животных и растений, и все такие вещи возникают согласно

природе. Но некоторые вещи возникают так же, как результат случая; поэтому о большинстве вещей, которые не возникают ни через искусство, ни по природе, ни по необходимости, мы говорим, что они возникают благодаря случаю.

[B12] Теперь из вещей, которые возникают благодаря случаю, ни одна не возникает ради чего-нибудь, не имеют они цели; но в случае вещей, которые возникают благодаря искусству, есть цель и предмет цели (так как тот, кто владеет искусством, назовет тебе причину, почему он написал и с какой целью он делал так), и эта цель есть лучшее, чем то, которое возникает ради этого. Я говорю о вещах, для которых искусство есть причина благодаря их собственной природе, а не случайна; поэтому нам следует описывать искусство медицины более правильно как искусство здоровья, чем искусство болезни, и архитектуру — как искусство построения зданий, чем их разрушения. Следовательно, все, что возникает согласно искусству, возникает ради цели и это есть лучший конец, но те, которые возникают случайно, существуют без цели; что-нибудь хорошее, возможно, возникает случайно, однако, что касается случая и того, насколько его результаты из-за случая не есть хорошие, поэтому то, что возникает случайно, всегда неопределенно.

[B13] Но те, которые возникают согласно природе, делают так ради цели и всегда им назначена лучшая цель, чем продуктам искусства, так как природа не подражает искусству, но искусство — природе, и искусство существует, чтобы помогать природе и дополнять то, что природа оставляет недоделанным. Так как некоторые вещи природа, по-видимому, способна завершить сама без помощника, но другие она делает с трудом или не может сделать вообще; точный пример под руками — это есть то, что происходит, когда что-нибудь возникает; некоторые семена, очевидно, производят без защиты, в какую бы почву они не упали, иногда необходимо еще искусство земледелия; сходным образом некоторые животные тоже достигают своей полной природы сами, но человек нуждается во многих искусствах для своего сохранения: и во время рождения, и, что касается питания, позднее.

[B14] Кроме того, если искусство подражает природе, то от природы то, что искусства производят характерную черту, что все их продукты возникают ради цели. Поэтому нам следует допустить, что все, что возникает правильно, возникает ради цели. Теперь, то, что оказывается хорошим и прекрасным, то возникает правильно; и все, что возникает или возникло, если процесс соответствует природе <т. е. нормальный>, обнаруживается прекрасным, тогда как то, что противоположно природе <т. е. ненормальный, неправильный>, плохо и противоположно тому, что соответствует природе; природное

<нормальное> возникновение, следовательно, есть ради цели.

[B15] Это можно видеть <на примере> какого-либо одного из наших органов. Если, например, вы рассмотрите веко, то вам следует увидеть, что оно возникло не случайно, но чтобы помочь глазам, для того, чтобы дать им покой и предохранить от вещей, которые падают на них. Мы, таким образом, имеем в виду то же самое, когда мы говорим, что что-то возникло <по природе> ради цели, так же когда мы говорим <о продуктах искусства>, что им следовало бы возникать ради цели. Если, например, кораблю следовало бы быть построенным, чтобы доставлять груз морем, то он возник по этой причине (ради этой причины).

[B16] Теперь, либо все животные принадлежат к классу вещей, которые возникли по природе и согласно природе, либо самые лучшие и самые уважаемые из них, в этом случае нет различия, если кто-то думает, что большинство животных возникло вопреки природе, то есть чтобы разрушать и причинять вред. Самый уважаемый из животных в мире есть, конечно, человек, так как это ясно, он возник по природе и согласно природе.

6. (Iamblichus, *Protrepticus* 51.16–52.5 Pistelli = Fr. 51 Rose, B 17 D.):

Итак, если цель каждой вещи есть всегда лучшее, чем вещь (так как все, что возникает, делает так ради цели, и последняя цель — самое лучшее из всех вещей), и если под «целью по природе» мы понимаем то, что заканчивается последним в процессе его возникновения, когда это продолжается непрерывно; если, далее, мы допускаем, что телесные части людей завершаются первыми, психические части — позднее и лучшее завершение есть каким-либо образом всегда позднее, чем его возникновение; если далее, мы допускаем, что душа позднее, чем тело, и мудрость — то, что возникает последним в душе, так как мы все видим, что это по природе последняя способность, которая возникает у людей. (Вот почему в старости предъявляют права на эту единственную из хороших вещей.) Таким образом, некоторая форма мудрости есть, согласно природе нашей, цель, и занятие ею — последняя деятельность, ради которой мы возникли. Поэтому мы должны допустить, что, если мы возникли для того, чтобы упражняться в ней и изучать ее, то мы также существуем ради этой цели.

7. (Iamblichus, *Protrepticus* 51.6–15 Pistelli = Fr. 51 Rose, B 18–19 D.):

[B18] И теперь мы можем спросить ясно: для чего среди существующих объектов мысли Бог возник? Пифагор, когда его спросили об этом, ответил: «Наблюдать небеса», — и обратился, чтобы сказать:

«Он был наблюдатель природы и для этого он возник».

И теперь мы можем спросить: для чего среди существующего природы и бог нас произвели. . .

[B19] И когда кто-то спросил Анаксагора, какую цель следует выбрать, чтобы возникнуть и жить, он сказал, отвечая на вопрос словами: «Наблюдать небеса и звезды, луну и солнце на них, все остальное из существующего ничего не стоит».

8. (Iamblichus, *Protrepticus* 52.6–16 Pistelli = Fr. 51 Rose, B 20–21 D.):

[B20] Итак, в соответствии с этим аргументом (τὸν λόγον), Пифагор был прав, говоря, что каждый человек был сотворен Богом для того, чтобы овладевать знанием и наблюдать (τὸ γινῶναι τε καὶ θεωρεῖσθαι). Но есть ли объект этого знания космос, или некоторая другая природа, мы должны рассмотреть позднее; то, что мы сказали, достаточно в качестве первого умозаключения; поэтому если мудрость есть наша природная цель, то занятие ею должно быть лучшим из всех вещей.

[B21] Следовательно, другие вещи нам следует делать ради благ, которые есть в самом человеке, и из них те, которые хорошие в теле, ради тех, которые хорошие в душе. Нам следует соблюдать моральное достоинство ради мудрости, так как мудрость есть высшая цель.

9. (Iamblichus, *Protrepticus* 34.5–35.18 Pistelli = Fr. 51 Rose, B 23–28 D.):

[B23] Как владеющая причиной, природа, какую бы форму она ни принимала, не делает ничего случайно, но каждая вещь ради цели; изгоняя случай, она любит цель в большей степени, чем искусства, потому что они есть, как мы знаем, имитация природы. Так как человек по природе своей состоит из души и тела, и душа лучше, чем тело, и то, которое подчиненное, всегда служит тому, которое вышестоящее, потому что тело должно существовать ради души. Напоминая, что душа имеет одну рациональную и одну иррациональную части, вторая, будучи низшей, мы делаем вывод, что иррациональная часть существует ради рациональной части. Ум принадлежит рациональной части, таким образом, доказательство заставляет нас утверждать, что каждая вещь существует ради ума.

[B24] Деятельность ума — мышление, а мышление есть зрительное восприятие интеллигибельных вещей (умопостигаемых — νοητῶν), тогда как восприятие видимых вещей есть деятельность зрения. Таким образом, мышление и ум есть высшая часть души, и другие вещи существуют ради той, которая высшая.

[B25] Кроме того, из мыслей те свободны, которые ведутся ради них самих, а те, которые приводят к знанию ради чего-то еще —

подобны женщинам-рабыням. Вещь, которая достигается как цель в самой себе, всегда высшая по сравнению с той, которая достигается как средство для чего-нибудь, так же то, что свободно, по сравнению с тем, что не свободно.

[B26] Если в наших действиях мы используем наш интеллект ($\delta\acute{\iota}\acute{\alpha}\nu\omicron\iota\alpha$), то даже если действующий индивидуально принимает во внимание свое собственное преимущество и рассматривает свое действие с этой точки зрения, даже он следует руководству своего интеллекта; он использует свое тело как слугу, и подвергается случаю тоже, и обычно выполняет хорошо такие действия, в которых ум имеет доминирующее влияние, даже если большинство действий выполняется телом как инструментом.

[B27] Чистое мышление и спекуляция, таким образом, есть более уважаемое и лучшее, чем мышление, направленное к достижению некоторого преимущества. Чистое мышление есть в самом себе уважаемое, и мудрость ($\sigma\phi\acute{\iota}\alpha$) ума есть в этом роде мышления самое ценное; тогда как в мышлении, ради успеха действия, мудрость ($\phi\rho\acute{\omicron}\nu\eta\sigma\iota\nu$), соединяющаяся с практической интуицией, есть самая ценная. Благое и уважаемое, таким образом, находятся над всем в философской спекуляции ($\sigma\phi\acute{\iota}\alpha\nu\ \theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha\varsigma$), но, несомненно, не в каждом роде спекуляций [так как каждый род спекуляций не есть уважаемый в абсолютном смысле, это истинно относительно ума-мастера и созерцания руководящего принципа универсума. Этот род мышления близко ассоциируется с философской мудростью, и мы правильно можем утверждать, что это мудрость в истинном смысле].

[B28] Человек, лишенный чувств и ума, доводится до состояния растения, лишенный одного ума, он превращается в животное, лишенный иррациональности, но сохранивший ум, он становится подобен Богу.

10. (Iamblichus, *Protrepticus* 36.7-13 Pistelli = Fr. 51 Rose, B 29 D.):

То, что отличает нас от других животных, сияет от начала до конца в жизни согласно уму; жизнь, в которой ничего не случается по случаю и которая отрекается от вещей малой ценности. Животные имеют некоторые маленькие вспышки ума и рассудительности, но совершенно лишены теоретической мудрости ($\sigma\phi\acute{\iota}\alpha\varsigma\ \delta\epsilon\ \theta\epsilon\omega\rho\eta\tau\iota\kappa\acute{\alpha}$), [которая является привелегией только богов], с другой стороны, что касается чувственного восприятия и инстинкта, человек имеет меньшую точность и силу, чем многие животные.

11. (Iamblichus, *Protrepticus* 37.22-40.1 Pistelli = Fr. 52 Rose, B 31-38 D.):

[B31] Кроме того, так как каждый выбирает то, что он способен

делать и что целесообразно, мы должны допустить, что эти две характеристики обнаруживаются в философии и также, что трудность получения подготовки в философии есть более чем превосходящая по весу ее полезность; поэтому мы все делаем с большим удовольствием то, что легче.

[B32] Легко показать, что мы способны овладеть науками, которые имеют дело со справедливым и целесообразным, и также теми, которые имеют дело с природой и остальной реальностью.

[B33] Предшествующее есть всегда более познаваемое, чем последующее, и то, которое по природе лучше, более познается, чем то, которое хуже. Поэтому знание имеет большее отношение к вещам, которые определены и упорядочены, чем к их противоположностям, и более к причинам, чем к результатам. Теперь, благие вещи более определены и упорядочены, чем злые вещи, так же, как хороший человек более определен и упорядочен, чем плохой человек. Здесь должно быть то же самое различие. Кроме того, предшествующие вещи причины в большей степени, чем последующие, потому что если первые уничтожить, то и те, существование которых зависит от них, уничтожатся, например, если числа уничтожить, то и линии уничтожатся, если линии, то и плоскости, если плоскости, то и тела, если буквы, то и так называемые слова уничтожатся.

[B34] Следовательно, если душа лучше, чем тело (будучи по природе более способной приказывать), и есть искусства и науки, касающиеся тела, а именно медицина и гимнастика (поэтому мы считаем их науками и говорим, что некоторые люди обладают ими), то также ясно, что касается души и ее добродетелей, есть забота и искусство, и мы можем овладеть им, поскольку мы можем делать это относительно вещей, наше незнание которых больше и знание о которых добывать труднее.

[B35] И то же относительно природы. В большей степени необходимо иметь знание причин и элементов, чем вещей последующих по отношению к ним, поэтому последних нет среди высших реальностей, и первые принципы не создавались из них, но от первых принципов, и через них все другие вещи очевидно возникают и образуются.

[B36] Есть ли это огонь, или воздух, или число, или другие природы, которые являются причинами и принципами других вещей, если мы не знаем их, мы не можем знать каких-либо других вещей, поскольку как мог бы кто-то одобрить речь, если он не знает слов, или знать их, если мы не знаем ни одной буквы?

[B37] На тему, что есть истинная наука и превосходная наука о душе и что мы можем овладеть ими, пусть этого достаточно (сказано).

[B38] То, что она (мудрость) есть самое величайшее из благ и са-

мая полезная из всех вещей, будет ясно из следующего; мы все согласны, что лучшему человеку, который по своей природе самый сильный, следовало бы править; далее (мы знаем), что только закон есть правитель и имеет власть, именно он, закон, который является выражением мудрости и формой выражения мудрой мысли.

[В39] Далее, какое мерило, какой ориентир того, что является благом, мы имеем более точный, чем мудрый человек? Поэтому вещи, которые такой человек будет выбирать, если выбор соответствует его знанию, есть благо и их противоположности — зло.

[В40] Теперь, поскольку все люди отдают предпочтение тому, что более согласуется с их собственным характером (справедливый человек выбирает жизнь справедливого, храбрый человек — жизнь храброго, сдержанный человек — жизнь сдержанного), подобным образом ясно, что мудрый человек выберет высшее из всех вещей — мыслить мудро, что является проявлением этой способности. Итак, ясно, что в соответствии с самым авторитетным мышлением, мудрость есть величайшее из благ.

12. (Iamblichus, *Protrepticus* 41.6–11 Pistelli = Fr. 52 Rose, B 41 D.):

Можно видеть истину этого яснее из следующего аргумента. Думать мудро и стремиться к знанию является самым по себе желательным для людей (так как невозможно жить человеческой жизнью без этой деятельности) и также полезным для практической жизни. Поэтому, если мы не выполним чего-нибудь, после того как мы сформулировали мнение об этом и поступили мудро, то оно не достанется нам как благо.

Теперь, жить хорошей жизнью зависит ли от удовольствия, или от обладания моральной добродетелью, или от мудрости; все же (тем не менее) нам следовало бы заниматься философией, так как, главным образом, через философскую рефлексию мы достигаем ясного мнения об этих вопросах.

13. (Iamblichus, *Protrepticus* 52.16–54.5 Pistelli = Fr. 58 Rose, B 42–44 D.):

[В42] Искать из всякого знания результат другой, чем оно само, и требовать, чтобы знание было полезным, есть действие того, кто совершенно не знает дистанции, которая с самого начала отделяет вещи хорошие от вещей необходимых; они находятся в противоположных крайностях. Вещи, без которых жизнь невозможна, — это те, которые любят ради чего-то еще, они должны называться предметами первой необходимости и содействующими факторами (причинами); а те, которые любят ради них самих, даже если ничего больше из них не следует, должны называться благами в точном смысле, так как они не

желательны ради чего-то и это что-то ради чего-то еще и так бесконечно; есть остановка где-то; итак, действительно, нелепо требовать от всего некоторой выгоды, кроме самой вещи, и спрашивать: какой выигрыш для нас? какая польза? Поэтому истинно, как мы утверждаем; тот, кто спрашивает это, никоим образом не подобен тому, кто знает прекрасное и благое, или кто отличает причину от сопутствующего фактора.

[B43] Лучшему из всех следует видеть истину того, что мы говорим, если кто-то перенесет нас в мысли к островам Блаженства. Там не будет нужды ни в чем, ни выгоды от чего-либо. Там останется только мысль и философская спекуляция, которую даже сейчас мы описываем как свободную жизнь. Если это истина, то не будет ли кто-то из нас справедливо пристыжен, если когда случай дал нам устроиться на островах Блаженства, он бы по своей собственной ошибке был не способен сделать так? Следовательно,

Поэтому, согласно мудрым среди поэтов, как мы получаем дары справедливости в Аду, так, по-видимому, мы получаем дары мудрости на островах Блаженных.

[B44] Итак, нет ничего странного, если мудрость не показывает себя полезной или выгодной; поэтому мы называем ее невыгодной, но благой, и ее нужно выбирать не ради чего-то еще, но ради нее самой. Как мы путешествуем на Олимп ради самого зрелища, даже если ничего большего не предстоит получить от этого (так как зрелище само стоит больше, чем деньги), как мы смотрим Дионисии не для того, чтобы получить что-то от актеров (действительно, мы платим им деньги), как многие другие зрелища мы предпочли бы многим деньгам, так и созерцание космоса должно быть чтимым выше всех вещей, которые считаются полезными. Поэтому, очевидно, неправильно прилагать все усилия, чтобы пойти смотреть на людей, подражающих женщинам и рабам, или сражающихся, или бегающих, и не считать правильным рассматривать без вознаграждения природу сущего и истинные вещи.

14. (Iamblichus, *Protrepticus* 54.10–56.12 Pistelli = Fr. 58 Rose, B 46–51 D.):

[B46] Далее, теоретическое размышление — самое полезное для нас, так как нашу практическую жизнь можно легко понять из искусств. Ибо искусные врачи и большинство специалистов в физических упражнениях согласны, что сведующие врачи и тренеры должны иметь общее знание природы; так же, как и хорошие законодатели должны иметь общее знание природы, причем в большей степени, чем первые, так как первые используют свое мастерство для здоровья и силы тела, в то время как вторые имеют дело с выдающимися

качествами души или претендуют учить о благополучии или неблагополучии государства и, следовательно, нуждаются в философии еще больше.

[B47] Так же как в простых ремеслах самые хорошие инструменты происходят от природы, как, например, в строительном ремесле свинцовый отвес, линейка, инструмент для рисования — циркуль, так и мы производим некоторые инструменты для наблюдения воды, другие — для наблюдения света и лучей солнца, и, ссылаясь на них, мы испытываем, насколько наши чувства достаточно надежны и верны; сходным образом и государственный деятель должен иметь определенные ориентиры, взятые из природы и истинные сами по себе, ссылаясь на которые, он будет решать, что справедливо, что хорошо, что выгодно. Как там <в простых ремеслах> эти инструменты превосходят все другие, также и лучшие ориентиры — это те, которые устанавливаются в наиболее возможном соответствии с природой.

[B48] Однако никто из тех, кто не упражняется в философии и не научился истине, не способен делать это. Кроме того, в других искусствах и ремеслах люди не берут свои инструменты и свои самые правильные рассуждения из первых принципов и таким образом получают некоторое приблизительное знание; они берут их из вторых или третьих рук или из более отдаленного источника и основывают свои рассуждения на опыте. Только философ копирует с того, что точно, так как то, что он наблюдает, есть точное само по себе, не копии <из вторых или третьих рук>.

[B49] Следовательно, как тот не является хорошим строителем, кто не использует линейку или какой-то другой инструмент, но берет его размеры с других зданий, так и, вероятно, если тот, кто либо устанавливает законы для города, либо управляет делами государства, имея в виду и подражая такому управлению, которое ведется другими людьми, или действительно существующими конституциями либо Спарты, либо Крита, либо какого-то другого государства, то он не является хорошим законодателем или серьезным государственным деятелем. Так как подражание тому, что не является хорошим, не может быть хорошим, не может подражание тому, что небожественно и непостоянно по своей природе, быть вечным и постоянным. Однако ясно, что только философ среди ремесленников имеет отношение к законам, которые постоянны, и делам, которые правильны и прекрасны.

[B50] Поэтому только философ живет с глазом на природу и божественное. Подобно хорошему морскому капитану, он причаливает свою жизнь к тому, что вечно и неподвижно, бросает свой якорь там и живет самому себе хозяином.

[B51] Это познание есть, действительно, теоретическое, но оно да-

ет возможность нам строить нашу практику в соответствии с ним. Поэтому, как зрение ничего не делает и не создает (так как его работа должна выносить приговор и показывать нам все, что может быть увидено), но оно дает нам возможность делать так, как оно указывает, и оказывает нам самую большую помощь в деятельности (так как нам следовало бы быть совершенно неподвижными, если лишиться его). Поэтому ясно, что хотя познание — теоретическое, но мы делаем множество вещей в соответствии с ним, выбираем одни действия, и избегаем другие, и вообще приобретаем как результат его все, что является благом.

15. (Iamblichus, de communi mathematica scientia 79.15–80.1 Festa = Fr.52 Rose, В 52 D.):

Тот, кто должен рассматривать эти вопросы, должен, следовательно, не забывать наблюдать, что ценные свойства всех вещей, хорошие и полезные для человеческой жизни, определяются пользой и действием, а не простым знанием. Мы становимся здоровыми не благодаря знанию вещей, которые производят здоровье, но благодаря применению их к нашим телам; мы становимся богатыми не благодаря знанию богатства, но благодаря обладанию многим имуществом; самое важное из всего, мы живем хорошо не благодаря знанию чего-нибудь из того, что существует, но благодаря тому, что делаем хорошо, так как это — истинное благополучие. Отсюда следует, что философия тоже, если она полезна (как мы утверждаем), должна быть либо деланием хороших вещей, либо полезной как средство для таких действий.

16. (Iamblichus, Protrepticus 40.1–41.5 Pistelli = Fr. 52 Rose, В 53–57 D.):

[В53] Итак, нам не следовало бы избегать философии, если, как мы думаем, она — приобретение и занятие мудростью, а мудрость — среди самых величайших благ. И если в поисках наживы мы много раз подвергаемся риску, плавая к Гераклитовым столбам, то нам не следует избегать труда и траты в поисках мудрости. Обычно для грубого человека желать жизни лучшей, чем хорошая жизнь, — следовать мнению большинства, вместо того, чтобы надеяться, что большинство последует его собственному мнению; стремиться всем сердцем к деньгам, но ничего не делать для того, чтобы приобрести то, что прекрасно.

[В54] Ценность и величие вещи, я думаю, мы доказали нашим доводом; в том, что приобретение мудрости много легче, чем других благ, возможно, кого-то убедят следующие аргументы.

[В55] Те, кто занимаются философией, не получают вознаграждение от людей, чтобы прищипорить их к большим усилиям, которые они делают; они, возможно, потратили много на овладение другими

искусствами, даже за короткое время их прогресс в точном знании быстрый; вот что кажется мне признаком легкости философии.

[B56] Итак, также то, что все люди чувствуют дома в философии и желают проводить свою жизнь в занятиях ею, оставив все другие заботы, является значительным свидетельством того, что приятно следить за нею, так как никто не готов (добровольно) работать усердно долго. Кроме того, занятие философией очень отличается от всех других занятий; те, кто занимаются ею, не нуждаются в инструментах и в рабочих местах для своей работы; где бы в целом мире кто ни приводил мысль в работу, любой сможет постичь истину, как если бы она актуально присутствовала везде.

[B57] Итак, доказано, что философия возможна, что она — самое величайшее из благ и что ее легко приобрести, так что из всех итогов подходящий — нам следует страстно за нее держаться.

17. (Iamblichus, *Protrepticus* 41.15–42.29 Pistelli = Fr. 52 Rose, B 59–71 D.):

[B59] Далее, часть нас — душа, часть — тело; одно управляет, другим управляют; одно пользуется, другое присутствует как его инструмент. К тому же польза от того, которым управляют, то есть от инструмента, есть всегда в организованной связи с тем, что управляет и пользуется.

[B60] В душе, с одной стороны, есть разум (который по природе правит и решает вопросы относительно нас), с другой — то, что следует и чья природа — быть управляемым; все есть в совершенном порядке, когда каждая часть влияет на присущее ей качество; поэтому добиться этого превосходного качества есть благо.

[B61] И, действительно, когда лучшие, самые авторитетные и самые уважаемые части влияют на их качества, тогда есть совершенный порядок, теперь естественное превосходство того, что по природе более приспособленное для управления и более авторитетное — лучше, как человек относительно других животных, следовательно, душа лучше, чем тело (так как более приспособлена для управления), и в душе — то, что имеет разум и мысль, так как такое есть то, что командует, и запрещает, и говорит, что мы должны делать и не должны делать.

[B62] Итак, какое бы ни было выдающееся качество — это есть выдающееся качество этой части для всех существ вообще и для нас, в частности, должно быть самое желанное из всех вещей; поэтому следует (мы полагаем) утверждать, что эта часть либо одна, либо выше всех других вещей.

[B63] Далее, когда вещь достигает лучшим способом того, что есть не случайно, но по своей собственной природе, по своему делу, тогда

эта вещь должна быть названа хорошей; тоже и то качество, благодаря которому каждая вещь может достигнуть точно этого результата, должно быть названо ее высшим качеством.

[B64] Теперь, те, которые составные и делимые на части, имеют некоторые различные энергии, но те, которые по природе просты и чья сущность не выражается через что-то еще, должны иметь только одно качество в полном смысле этого слова.

[B65] Если человек есть простое животное и его сущность определяется согласно разуму и уму, то он не имеет другой присущей функции, чем достижение наиболее точной истины, истины о сущем; но, если он составлен из нескольких способностей, ясно, что тогда кто-то может выполнять несколько функций, лучшая из которых — всегда свойственное ему дело; здоровье есть свойственное дело врача, безопасность — дело кормчего. Итак, мы не можем назвать лучшим дело мысли или мыслительной части души, иное чем достижение истины. Следовательно, истина — высшее дело этой части души.

[B66] Теперь, вообще говоря, это работа по приобретению знания, особенно знания более значительного рода, и высшая цель этого — философское мышление. Так как из двух вещей одна достойна выбора ради другой, то вторая лучше и более достойна выбора по той же причине, ради которой другая достойна выбора: например, удовольствие лучше, чем приятные вещи, здоровье — чем здоровые вещи, так как эти (мы говорим) произведены теми.

[B67] Теперь (по сравнению с) философским размышлением, которое, как мы утверждаем, является способностью высшего элемента в нас, нет ничего более достойного выбора, когда одно состояние (одна часть) <души> сравнивается с другими, так как познавательная часть, взятая ли одна или в комбинации с другими частями, — лучшая, чем все остальные (части) души, и ее превосходство есть знание.

[B68] Следовательно, ни одна из отдельных, так называемых моральных добродетелей, не является его (философского размышления) свойственным делом, так как оно лучше, чем все из них; цель производимого всегда лучше, чем знание того, что производит его. Ни превосходное качество души, ни благополучие не является, таким образом, результатом философского размышления. Если оно (философское размышление) должно быть производительным, оно произведет результаты, отличные от него самого, например, строительное искусство производит дом, но не часть дома, однако философское размышление есть часть превосходного качества <души> и благополучия; поэтому мы говорим, что благополучие происходит либо от философского размышления, либо есть оно.

[B69] Итак, согласно этому аргументу также, оно не может быть

производительным познанием, так как конец должен быть лучше, чем то, что происходит, чтобы получить его; но теперь нет ничего лучше, чем философское размышление, разве только оно является одной из вещей, которую мы указали; но ни одна из них не является продуктом, отличным от философского размышления. Следовательно, мы должны сказать, что эта форма знания есть теоретическая и спекулятивная, так как невозможно вообразить, что ее конец должен производить что-то.

[В70] Отсюда следует, что философское размышление и созерцание являются свойственным делом души и из всех вещей — это самая достойная выбора для людей, сравнимая, я думаю, со зрением; поэтому следует выбирать обладание зрением, даже если ничто другое, кроме самого зрения, не было бы его результатом.

[В71] Снова, если мы любим одну вещь, потому что что-то еще непременно происходит от нее, то ясно, что мы будем желать более того, что владеет этим качеством более полно. Например, если человек любит гулять, потому что это здоровье, но убеждается, что бег является более здоровым и что он может получить его, то он предпочтет бег и, если он знает <что это лучше> — скорее бег, чем прогулку. Если, следовательно, истинное мнение подобно по характеру философскому размышлению, то мы допускаем, что истинное мнение достойно выбора точно в соответствии со способом и степенью того, насколько оно подобно философскому размышлению по причине существующей истины. Теперь, если это <качество достигнутой истины> обнаруживается более в философском размышлении, то оно более достойно выбора, чем истинное мнение.

18. (Iamblichus, *Protrepticus* 43.25–27 Pistelli = Fr. 52 Rose, В 72 D.):

Снова, если мы любим зрение ради него самого, то это достаточное доказательство того, что все люди любят мышление и знание больше всего.

19. (Iamblichus, *Protrepticus* 44.26–45.3 Pistelli = Fr. 52 Rose, В 73 D.):

Поэтому, любя жизнь, они любят мышление и знание. Они ценят жизнь не по другой причине, но ради чувственного восприятия и более всего — ради зрения. Они, очевидно, любят эту способность в высшей степени потому, что она, по сравнению с другими чувствами, только ради знания.

20. (Iamblichus, *Protrepticus* 44.9–26 Pistelli = Fr. 52 Rose, В 74–77 D.):

[В74] Но жизнь, действительно, отличается от не-жизни чувственным восприятием, и мы определяем жизнь как заключающую в себе присутствие и силу использования чувственного восприятия; если это удалить, то жизнь не стоит жизни; словно жизнь сама уничтожится с потерей чувственного восприятия.

[В75] Теперь, из чувственного восприятия сила зрения отличается самым чистым бытием и это та причина, на основании которой мы предпочитаем его другим чувствам; однако каждое чувство получает знание посредством тела, как слух воспринимает звук с помощью ушей.

[В76] Следовательно, если жизнь достойна выбора ради чувственного восприятия и чувственное восприятие есть род знания и, если это так, потому что душа может достичь знания с его помощью, то мы хотим жить.

[В77] Далее, если, как мы сказали только что, из двух вещей всегда предпочтительна та, которая обладает желательным качеством более полно, то из чувств зрение должно быть самым достойным выбора и почтения; однако философское размышление предпочтительнее его и всех других чувств и самой жизни, так как оно имеет более сильную способность схватывания истины; итак, вот почему все люди стремятся к знанию в большей степени, чем ко всем другим вещам.

21. (Iamblichus, *Protrepticus* 56.13–59.17 Pistelli = Fr. 52 Rose, В 78–91 D.):

[В78] То, что те, кто выбрал жизнь согласно разуму, также в большей степени получают удовольствие от жизни, будет ясно из следующего аргумента.

[В79] Слово «живой», по-видимому, используется в двух смыслах: один означает возможность, другой — действительность, поэтому мы описываем как «видящих» обоих этих животных, которые имеют зрение и родились способными видеть, даже если им случается иметь их глаза закрытыми и те, которые пользуются этой способностью и смотрят на что-то. Так же со знанием и познанием: мы иногда имеем в виду использование способности и действительное мышление, иногда обладание способностью и знанием.

[В80] Итак, если мы отличаем жизнь от не-жизни по обладанию чувственным восприятием и чувственное восприятие имеет два значения, собственное значение «использовать какое-то чувство», но в другом значении «быть в состоянии использовать их» (по этой причине, по-видимому, мы говорим даже о спящем, что человек ощущает), то ясно, что «живое» будет соответственно иметь два значения: бодрствующий человек, следует сказать, живет в истинном и точном смысле, спящий человек, следует сказать, живет потому, что он в со-

стоянии перейти в действительность на основании того, что мы говорим, что человек пробуждается и ощущает что-нибудь; это так, на том основании и со ссылкой на то, что мы описываем его как живущего.

[B81] Следовательно, когда мы используем одно и то же слово в двух различных значениях, одно заключает в себе действие, другое — страдание, то мы определим первое как выражающее более точный смысл слова? Например, мы будем использовать слово «знать» скорее по отношению к тому, кто пользуется им, чем к тому, кто только обладает знанием; и «видеть» — скорее к тому, кто смотрит на что-то, чем к тому, кто только может делать так.

[B82] Поэтому мы говорим «больше» о вещах, для которых есть только одно слово не только в смысле «большей степени», но также в смысле <логической> первичности: например, мы говорим, что здоровье есть благо «больше», чем здоровье вещи и, подобным образом, то, что благодаря его собственной природе достойно выбора по сравнению с тем, что производится им; еще мы заметим, что то же самое слово <благо> — предикат обоих, хотя не в его абсолютном смысле, так как об обоих и о полезных вещах, и о вещах, в которых превосходное качество есть в самих по себе, мы говорим, что они — «благо».

[B83] Таким образом, мы говорим, что бодрствующий человек «живет более», чем спящий человек, и что человек, который использует свою психическую способность, «живет более», чем человек, который только обладает ею <применя логический приоритет>.

[B84] Итак, использование чего-то есть следующее: если что-то может быть сделано только одним способом <оно осуществляется>, когда кто-то делает только эту вещь; если что-то может быть сделано более чем одним способом <оно осуществляется>, когда кто-то делает ее лучшим из возможных способов, как например, когда кто-то использует . . . , он либо едва играет, когда он использует ее, либо играет превосходно; мы рассуждаем вдоль той же мысли, но в другом контексте, где слова «использовать» или «осуществлять» употребляются. Таким образом, нам следует сказать, что тот, кто использует вещь правильно, «использует более» <то есть в точном смысле слова>; так как тот, кто использует что-то хорошо и точно, имеет в виду цель и делает то, что он делает естественным способом [или действует, имея в виду конечный результат <то есть благо> и в соответствии с природой].

[B85] Мы предварительно говорили, что мышление и рассуждение являются либо единственным, либо высшим из всех остальных делом души. Теперь простой вывод, который любой может легко вывести: тот человек, который думает правильно, живет «более», то есть в высшей степени, чем другие; тот, кто достигает истины в высшей

степени, живет в высшей степени, и это тот человек, который думает и размышляет согласно самому точному знанию; и затем, те люди, «совершенную жизнь» которых следует описать, — это те, кто думает, и те, кто владеет философским размышлением.

[B86] Теперь, если жизнь есть, подобным образом для каждого животного, их истинное бытие, ясно, что мыслитель будет существовать в высшей степени и в самом точном смысле и больше, чем все, когда он пользуется этой способностью и созерцает то, что является самым известным из всех вещей.

[B87] Кроме того, несомненно, совершенная и беспрепятственная деятельность содержит в самой себе наслаждение, так что деятельность мышления должна быть самой приятной из всего.

[B88] Далее, есть различие между получением удовольствия самого по себе и питьем, и получением удовольствия от питья; так как ничего не мешает человеку, который не мучим жаждой или не добивается питья, получить удовольствие; он получает удовольствие тогда, когда он пьет, но не потому что он пьет, но потому, что ему случается в тоже самое время смотреть на что-то или смотреть на что-то, когда он сидит. Поэтому мы скажем, что такой человек получает удовольствие сам и получает удовольствие сам тогда, когда пьет, но не потому, что он пьет, не потому, что он получает удовольствие от питья. Таким же образом, мы скажем, что гуляние, сидение, изучение, какая-нибудь деятельность — являются приятными или болезненными не тогда, когда нам случается испытывать боль или удовольствие в присутствии этих деятельностей, но тогда, когда мы испытываем боль или удовольствие от их присутствия.

[B89] Подобным образом мы будем считать, что жизнь приятная, когда ее присутствие приятно для тех, кто имеет ее; мы скажем, что не все, кто имеют удовольствие, когда живут, получают удовольствие от жизни, но только те, для кого жизнь сама по себе — удовольствие и кто радуется удовольствию, которое получает от жизни.

[B90] По этим причинам мы приписываем жизнь скорее тому человеку, который пробужден, чем тому человеку, который спит, тому, кто думает скорее, чем бездумному, и мы говорим, что удовольствие от жизни есть удовольствие, которое мы получаем от использования души, так как это есть истинная жизнь.

[B91] Итак, если есть более чем одно занятие души, то тем не менее главным из всех является то мышление, которое возможно. Итак, ясно, что непременно удовольствие, происходящее из мышления и размышления, единственное или самое лучшее из всех, есть удовольствие от жизни. Приятная жизнь и истинное наслаждение, следовательно, принадлежат только мыслящим людям или больше всего им. Поэтому

деятельность самых истинных наших мыслей, поддерживаемая самыми истинными сущностями и прочно сохраняемая, навсегда получает свое совершенство, является из всех деятельностей самой производительной радостью.

22. (Iamblichus, *Protrepticus* 59.19–60.10 Pistelli = Fr. 52 Rose, В 93–96 D.):

[В93] (а) Не только рассматривая составные части благополучия, но также занимаясь глубже вопросом и рассматривая благополучие как целое, <мы можем прийти к тому же выводу>. (в) Итак, давайте изложим ясно, что как интеллектуальная жизнь связана с благополучием, так она связана с нашим свойством быть хорошим или плохим человеком. (с) Так как она является ведущей или следующей из благополучия, все вещи которой достойны выбора, и из компонентов благополучия некоторые необходимы, другие приятны.

[В94] Поэтому по этой причине мы определяем благополучие либо как мудрость и форму философской спекуляции, либо как обладание хорошим характером и занятие добродетелью, либо как подлинное и истинное удовольствие, либо как все это вместе.

[В95] Теперь, если оно (благополучие) есть мудрость, ясно, что только философы будут обладать благой жизнью; если оно — благое состояние души или удовольствие, то тогда также она будет принадлежать только им или больше всего им, так как благой характер есть тот, который правит нашей жизнью и мышлением, если одну вещь сравнивать с другой, — есть самое приятное из всех вещей. Подобным образом, если кто-то говорит, что все эти вещи вместе тождественны благополучию, то благополучие следует определить, используя мышление в качестве определяющей характеристики.

[В96] Следовательно, всем, кто может, следует заниматься философией, так как это либо совершенная, благая жизнь, либо из всех вещей единственная, которая должна быть истинной причиной благой жизни для душ.

23. (Iamblichus, *Protrepticus* 45.4–47.4 Pistelli = Fr. 55 Rose, В 97–103 D.):

[В97] Теперь, по-видимому, (будет) подходящим пролить свет на этот предмет, приведя обычные (общие) суждения по этим вопросам.

[В98] Для всех совершенно очевидно то, что никто не выбрал жить, обладая лучшим из возможных — богатством и властью, но может лишиться мысли и сойти с ума, даже если кто-то должен гнаться с удовольствием за самыми неистовыми наслаждениями, как делают некоторые сумасшедшие. Итак, все люди, по-видимому, больше всего остерегаются утраты своего разума. Теперь, противоположность глупости

есть мудрость и из двух противоположностей одну следует избегать, другую следует выбирать.

[B99] Следовательно, как болезнь следует избегать, так здоровье следует выбирать. Таким образом, согласно этому аргументу, также [в свете обычного мнения] кажется, что мудрость следует выбирать больше всего, не ради чего-то, что следует из нее. Так как даже если человек имел все, но был разрушен и болен в мыслительной части, его жизнь не стоила бы жизни, так как даже другие благие вещи не могли бы принести ему пользу.

[B100] Следовательно, все люди до тех пор пока они могут находиться в пределах мудрости и пробовать ее вкус, рассматривают другие вещи как ничто и поэтому по этой причине никто из нас не мог бы продолжать жить или оставаться ребенком в течение жизни.

[B101] По этой причине также, хотя сон есть очень приятная вещь, он не та вещь, которую выбирают, даже если мы допускаем, что сонный человек имеет все возможные удовольствия, потому что образы во сне ложные, тогда как у тех, кто бодрствует, жизнь истинная. Поэтому сон и бодрствование не отличаются ничем, кроме того, что душа, когда просыпается, часто знает истину, а во сне всегда обманывается; поэтому, в целом, природа снов — образ и ложь.

[B102] Далее, тот факт, что большинство людей избегают смерти, показывает, что душа любит учиться. Так как она избегает того, чего она не знает, темноты и неизвестности, и по природе ищет то, что ясно и доступно знанию. Это более всего причина, почему мы говорим, что следовало бы высоко уважать и чтить как создателей наших величайших благ, как создателей нашего зрения солнце и свет, наших отцов и матерей; они, по-видимому, создатели нашего мышления и зрения. Это так, потому что по той же причине мы наслаждаемся вещами и людьми, которые хорошо знакомы и называем дорогими тех, кого мы знаем. Итак, эти вещи показывают прямо, что то, что доступно знанию, очевидно и ясно, — есть вещь, которую любят; и если среди того, что доступно знанию и ясно, кроме того также знание и мышление — то эти вещи мы любим.

[B103] Кроме того, как раз так, как в случае собственности, это то же самое обладание, которое способствует жизни и благой жизни, так и в случае мудрости также; мы не нуждаемся, я думаю, в той же самой мудрости, имея в виду простую жизнь и имея в виду благоую жизнь. Большинство людей, возможно, извинятся за делание этого <то есть остальные удовлетворяются практической мудростью>; они, конечно, просят счастья, но они удовлетворяются, если они могут тем не менее жить. Но разве только кто-то думает, что следовало бы терпеть жизнь на каких бы то ни было условиях, нелепо, не переносить каждому

тяжелого труда и не награждать каждого заботой, чтобы достичь того рода мудрости, которая будет знать истину.

24. (Iamblichus, *Protrepticus* 47.5–47.21 Pistelli = Fr. 59 Rose, B 104–105 D.):

[B104] Кто-то, возможно, знает это даже из следующих фактов, если он видит человеческую жизнь в ясном свете. Так как он найдет, что все вещи, которые люди полагают великими, есть просто сценические декорации, поэтому правильно сказать, что человек — ничто и ничто, свойственное человеку — непостоянное. Сила, величина, красота — смешны и ничего не стоят, так как они кажутся таковыми (текст говорит: красота кажется красивой) только потому, что мы не видим ничего правильного.

[B105] Если кто-то может [видеть] так же ясно, как они говорят «Линкея видел», который видел через стены и деревья, можно ли представить человека (подобного прославленному Алкивиаду) способного терпеливо смотреть, если бы он видел, из каких плохих материалов он сделан? Почести и репутация, этим вещам завидуют более чем другим вещам — полные неопишуемой глупости, потому что тому, кто видит мельком вещи вечные, кажется глупым желать эти вещи. Какие среди человеческих вещей долговечны и длящиеся? Это так, вследствие слабости, я думаю, и короткости нашей жизни, так что даже это кажется вечным.

25. (Iamblichus, *Protrepticus* 47.21–48.9 Pistelli = Fr. 60 Rose, B 106–107 D.):

[B106] Кто из нас, рассматривая эти факты, будет думать о себе как о счастливом и блаженном — кто из нас, все из которых с самого начала (как они говорят в обрядах посвящения) созданы природой словно для наказания? Поэтому — вдохновенные слова древних, что душа отбывает наказание и что мы живем ради наказания за великие грехи.

[B107] Ибо, действительно, соединение души с телом очень похоже на это. Как этрусски часто говорят, что пленников пытаются, приковылая мертвые тела рядом с живыми, приспособливая часть к части, так и душа, по-видимому, простирается везде и прикрепляется ко всем чувствительным частям тела.

26. (Iamblichus, *Protrepticus* 48.9–48.21 Pistelli = Fr. 61 Rose, B 108–110 D.):

[B108] Человеческий род не имеет ничего достойного уважения, такого как божественное или блаженное, кроме того, что есть в нас ум и мудрость; это единственное из наших владений, что, по-видимому, бессмертно, это — единственное — божественное.

[B109] Благодаря способности принимать участие в этой способности, жизнь, однако, несчастная и трудная по природе; но в то же время так искусно устроена, что человек кажется богом по сравнению со всеми другими существами.

[B110] Ибо «ум есть бог в нас» [либо Гермотим, либо Анаксагор говорили так], и «смертная жизнь содержит часть некоторого бога». Следовательно, нам следовало бы либо заниматься философией, либо сказать: прощай жизнь и уйти прочь (и, следовательно, умереть), так как все другие вещи, по-видимому, являются великой ерундой и глупостью.

ПРОКЛ. КОММЕНТАРИИ НА ПЛАТОНОВСКИЙ ДИАЛОГ «ТИМЕЙ» 17ab

Перевод А. В. Петрова

Прокл, родившийся в Византии 18 февраля 412 г., детство провел в ликийском городе Ксанфе, где получил среднее образование. Для получения высшего (риторического) образования родители отправили его в Александрию, где он обучался у Леона Исаврийского. Предпочтя юридической карьере философскую, он изучает в той же Александрии философию у Олимпиодора, математику у Герона и в возрасте около 20 лет приезжает в Афины, где стареющий Плутарх еще возглавлял возрожденную им Академию. Первый этап прокловского образования в Афинах — чтение «О душе» Аристотеля и платоновского «Федона» — проходит под совместным руководством Плутарха и его будущего преемника Сириана. На основании конспекта этих занятий Прокл пишет свои комментарии на «Федона». Следующий этап — освоение сочинений Аристотеля и затем Платона полностью (уже под руководством одного Сириана, которого Прокл обычно имел в виду, когда говорил о «нашем учителе») — выливается в другой конспект сириановских лекций, из которых Прокл, достигший 27-летнего возраста, составляет комментарии на «Тимея». Эта дата — 27 лет — единственная опора в попытках реконструировать хронологию написания Проклом его сочинений. Впрочем, реконструкции эти дают не много. Вероятным оказывается лишь отнесение комментариев на «Тимея» и «Государство» к более раннему периоду, чем комментарии на «Парменида», «Кратила» и «Богословие Платона». Поскольку в комментариях на «Тимея» и «Государство» содержатся ссылки друг

© А. В. Петров, перевод, примеч., 2002